

ТАТЬЯНА
Устинова
— первая среди лучших —

Весь мир в прудачу

Татьяна Витальевна Устинова
И весь мир в придачу
Серия «Татьяна Устинова.
Первая среди лучших»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51398823

Весь мир в придачу. сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-107723-5

Аннотация

«Почему-то я всегда была уверена, что не смогу работать с «короткой формой» – так авторы называют рассказы или небольшие повести. На все просьбы редакторов – литературных и журнальных – всегда отвечала отказом: ни за что, я не умею, это отдельный опыт!

И однажды меня всё-таки уговорили. Я села и написала рассказ! И долго потом удивлялась – надо же, настоящий рассказ получился!

Теперь я пишу рассказы с удовольствием и счастьем: мне как раз и нравится, что можно быстро написать. Вот три дня назад ещё не было рассказа, и вот он уже есть!

Мне нравится, что рассказ можно быстро прочитать! Ррраз – и готово! И если, дочитав, вы станете хохотать или растроганно

посмотрите на любимого, значит, всё получилось. Значит, всё хорошо. Значит, ничего не кончилось».

Татьяна Устинова

В сборник входят следующие произведения: «Волшебный свет», «И весь мир в придачу», «Вселенский заговор», «У меня зазвонил телефон», «Вот так история».

Содержание

Волшебный свет	6
И весь мир в придачу	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Татьяна Устинова
Весь мир в придачу
сборник рассказов

© Устинова Т.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Волшебный свет

*Я стою в ожиданье,
Когда вы вернетесь домой,
Побродив по окрестным лесам.
Очень долгим он кажется,
Ваш выходной,
По земным моим быстрым часам!*

Ю. Левитанский. Ожидание

– Тата? Таточка, это ты?

Она чуть не уронила мобильный. Чашка с кофе, которую она элегантно держала на весу, на блюде не ставила, накренилась, и кофе выплеснулся на юбку.

– Черт, вот черт возьми!

– Таточка, к чему ты поминаешь черта?

Тата, кое-как приткнув чашку на стол, пятерней стряхивала коричневые пятна с тонкой светлой ткани. С каждым движением получалось все хуже и хуже, пятна расплзались и приобретали хвосты, как кометы.

– Тата, ответь мне! Я туда попала или я не туда попала?!

Тата, плечом придерживая трубку, заскулила жалобно:

– Бабушка, почему ты звонишь с какого-то странного телефона?

В трубке помолчали, а потом сказали тоном оскорбленно-

го царственного достоинства:

– Почему со странного? Я телефонирую с совершенно нормального аппарата! По крайней мере, на вид он совершенно обычный!

– Кто?!

– Телефон, – пояснили в трубке. – А что ты имеешь в виду, когда говоришь, что телефон странный?

Тата шумно выдохнула и перестала отряхивать юбку. Теперь по дороге на совещание придется прикрывать пятно ежедневником, словно ей так удобно – носить ежедневник на бедре, как индийская женщина кувшин.

– Бабушка, что это за номер? Ты что, не дома?

– Ну конечно, нет, моя дорогая.

– Господи, куда тебя понесло?

В трубке фыркнули, но и фырканье было царственное.

– Сегодня рождение у Юлии Цезаревны, разве ты забыла?

Тата понятия не имела, когда именно день рождения у Юлии Цезаревны, лучшей бабушкиной подруги.

– Ты, конечно же, поздравить Юлечку, когда я передам ей трубку, но, Тата, я звоню по совершенно другому поводу! Ты помнишь, что сегодня пятница?

– Смутно, бабушка, – пробормотала Тата. Проклятые пятна на юбке не давали ей покоя, и она все косилась на них, прикидывая, как именно можно минимизировать потери. Может, перевернуть юбку задом наперед?

Нет, выйдет еще хуже. Тогда пятна будут сзади, что уж

совсем... неприлично.

– Что значит смутно? Если ты смутно помнишь такие вещи, значит, тебе нужно принимать специальные капли для головы. Они продаются в аптеке. Я принимаю, и, слава богу, у меня с памятью все прекрасно.

– Прекрасно, – эхом повторила Тата.

– Так вот. О чем я говорила?.. Ты меня сбила, и теперь я не могу вспомнить, о чем говорила. Решительно.

– Ты сказала, что сегодня пятница, бабушка.

– Ах да! Вот именно, сегодня пятница. О чем нам это говорит?

– И о чем нам это говорит?

– Это говорит о том, что вчера был четверг, а нынче нужно ставить куличи.

Тата взялась рукой за лоб.

Куличи! Вчера и вправду был Чистый четверг, и как это она позабыла? Ей срочно нужно принимать капли для головы.

– Надеюсь, – продолжала в трубке бабушка, – мы все соберемся у тебя, как обычно. Ты, конечно же, всех обзвонила, Таточка?

– Конечно, конечно, бабушка! – лживым голосом поклялась Тата.

Вот почему для бабушки не имеет значения, что тебе сорок лет, что ты вроде бы успешная женщина, много повидавшая в жизни, кажется даже на грани развода, мать двоих де-

тей, требовательный начальник, исполнительный подчиненный, умница-разумница и просто красавица?!

Когда звонит бабушка, хочется одернуть передник, посмотреть, все ли в порядке с косами, не растрепались ли, вымыть руки, на всякий случай приготовить дневник и быстренько придумать, что бы такое соврать половчее, если бабушка станет спрашивать, ходила ли она вчера на музыку!..

– Тогда все в порядке, – величественно проговорила бабушка. – А я думала, ты забыла и опять все заботы лягут на мои плечи. И я искренне надеюсь наконец-то застать дома твоего мужа. – Это было сказано с нажимом, с намеком, с дальним прицелом и еще черт знает с чем. – Если он не понимает, скажи ему, что это становится неприличным! Не заставляй меня ему звонить.

– Не надо ему звонить, – быстро сказала Тата, – что ты, бабушка!

– Юлечка, иди, дорогая, Таточка хочет тебя поздравить с рождением.

– Таточка не хочет, – пробормотала Тата мимо трубки, чтобы бдительная бабушка не услышала, и тут же возликовала, уже непосредственно в трубку: – Юлия Цезаревна, дорогая Юлия Цезаревна, я вас поздравляю с днем рождения! Живите до ста лет...

– Чего это ты мне так мало отмерила? – немедленно вспылила Юлия Цезаревна. – До ста! Что тут до ста осталось-то? Я и замуж не успею сходить!

Кое-как отделавшись от старух, Тата позвонила матери:

– Мама, сегодня пятница!

– Я знаю, она мне утром звонила. Она сегодня на именинах. Спрашивала, кто будет обзванивать родственников.

– А ты?

– Я сказала, что обзвоню.

Тата пришла в отчаяние:

– А я сказала, что я уже всех обзвонила.

– Врать нехорошо, – подумав, сказала мать. Она что-то смешно жевала, в трубке хрупало, как будто кролик пасся.

– Мама, ты жуешь как кролик! А зачем ей дался мой муж? С этим надо что-то делать, потому что его точно не будет, и я даже не знаю...

Хрупанье прекратилось.

– Как не будет? Опять не будет? На Новый год не было, на Восьмое марта тоже не было и опять нет?! Таточка, ты от меня что-то скрываешь! Говори сейчас же.

– Мама, – сказала Тата твердо. – Я ничего от тебя не скрываю. Просто у него много дел, ты знаешь. Сначала он в Милан улетел, потом в Улан-Удэ, а сейчас, кажется, в Югорске. Или нет, нет, в Ханты-Мансийске.

Мать помолчала.

– Тата, вы что, разошлись? – спросила она дрогнувшим голосом. – Ведь происходит что-то такое... ужасное, я же чувствую! И Тёма на себя не похож, и Тюпа!

Тёма и Тюпа – великовозрастные сыновья Таты – бабушке

представлялись младенцами в люльках, которых надлежало укачивать, кормить с ложечки и оберегать от всяческих жизненных невзгод.

– Никто ни с кем не разошелся, – бодрым фальшивым голосом уверила врушка Тата. – Мам, я сейчас пойду отпрашиваться с работы и постараюсь вечером приехать пораньше. И как это я забыла про то, что вчера был Чистый четверг! И главное, почему всегда я? Почему у Шуры никто никогда не собирается? Пусть бы Шура пекла и отпрашивалась с работы!

Шурой звали двоюродную сестру.

– У Шуры? – переспросила мать. – В Марьино?

Это верно.

Собрать в Марьино всех родственников, коих в разные годы насчитывалось до двадцати человек, напечь на всех куличей, наделать пасхальных пирогов, творогов, окороков, да принять, да накормить, да уложить, да ухаживать весело, от души, так, чтоб Пасха на самом деле зажглась веселым, утешительным светом, – где это видано?! Да и не поедет никто в Марьино! Все давно привыкли собираться в Боженке, в огромном, старом и бестолковом доме Татиного мужа. Пожалуй, никто из родственников и не помнил, когда собирались у бабушки на Тверской или в доме Татиных родителей в ближнем пригороде, где вокруг были только научные институты за заборами да свекловичные поля до горизонта!

– Таточка, – говорила тем временем мать, – я сегодня при-

еду и тебе помогу. Ты можешь с работы не отпрашиваться, моя девочка. Я тесто сделаю, и мы вместе начнем печь.

– Ну да, – неопределенно согласилась Тата.

Все это отлично, но теста для куличей требовалось примерно ведро, и им обеим было совершенно понятно, что мать в одиночку это ведро не одолеет и все ее прекраснодушные предложения – просто так, чтобы дочь оценила ее готовность помочь, и больше ничего.

Конечно, никто не горел желанием отпустить ее с работы, да еще в конце недели, да еще перед Пасхой!

– Всего на полдня, – храбро улыбнулась Тата, когда Павел Петрович вопросительно поднял брови.

– Татьяна, – помолчав, внушительно заговорил Павел Петрович, пропустив мимо ушей упоминание про «полдня», – я, конечно, вас отпущу, но не могу сказать, что вы этой просьбой доставляете мне удовольствие.

– У меня там отгулов накопилось почти на две недели, – тут Тата улыбнулась обворожительной улыбкой, – и все материалы я сдала...

– Рекламная кампания набирает обороты, и мне хотелось бы, чтобы вы отследили ее ход, провели, так сказать, грамотный мониторинг, чтоб мы могли оценить рентабельность и внести коррективы в планы следующего квартала...

Тата слушала, кивала, время от времени записывала в ежедневник, который держала на бедре? – сидеть при этом приходилось изогнувшись, как индийской женщине во вре-

мя нанесения рисунков хной на подошвы ног!..

Вот далась ей эта индийская женщина!..

Она слушала, кивала, записывала и думала все время об одном и том же – жизнь не удалась.

В последнее время это стало совершенно очевидно.

Муж, которого месяц нет дома.

Тёма и Тюпа – дети – совершенно отбились от рук.

Лялька – собака – пребывала в грусти.

Ей самой на днях стукнет сорок.

Опять весна на белом свете, а кажется, только что была предыдущая весна, и в этой серой череде как будто невыспавшихся, тревожных дней особенно ощущается скоротечность времени.

И так пройдет вся жизнь, и ничего не останется, никаких шансов что-то поправить, изменить, прожить заново!

Почему весной особенно тревожно?..

– ...и при этом совершенно необходимо, – продолжал бубнить Павел Петрович где-то очень далеко, за поворотом сознания, – сохранить лидирующие позиции...

Тата знала, что он ее отпустит, но не откажет себе в удовольствии провести краткий лекторий, цель которого сводится к одному – тебе, матушка, в отгулы захотелось, а у нас тут работы невпроворот, ты это прочувствуй, прочувствуй хорошенько!

И как это она забыла про то, что вчера был Чистый четверг, а сегодня, следовательно, уже пятница?! Куличи нужно

печь как раз в четверг, но Тата не придерживалась строгих православных традиций. Самое главное, чтоб куличи были и чтоб накануне Пасхи!

Конечно, начальник ее отпустил, и, чувствуя себя отчасти изменницей родине, отчасти предательницей корпоративных интересов, Тата вернулась к себе в кабинет и стала рассеянно собираться, прикидывая, что именно нужно купить по дороге. Получалось что-то очень много, а денег у нее было маловато.

В этот момент позвонил Тёма:

– Ма-ам?

– А-а?

– Здорово! Ты когда приедешь?

– Сынок, я сегодня пораньше. Меня отпустили с работы, я буду куличи печь. У нас в субботу гости.

– Вот е-мое! А какие гости у нас в субботу?

Тата вздохнула и завела:

– Родственники. Бабушка с дедушкой, прабабушка...

– С прадедушкой? – перебил непочтительный Тёма. – Наша прабабушка наконец-то завела себе прадедушку?

– Тём, – сказала Тата педагогическим голосом, – ну что ты говоришь?

– Я шучу, – пояснил сын. – Это такая шутка. Ты что, не въезжаешь?

– Еще тетя Шура, Аня, Сашка, Машка, дядя Володя...

– Е-мое!

– Лера, Сережа...

– Вот е-мое!

– Тём, мне надоело это дурацкое выражение!

– Мне тоже много чего надоело, – сказал сын угрюмо. –

Особенно мне надоел этот придурок Тюпка! Мам, зачем он все время лезет в мой компьютер?

– Наверное, хочет поиграть.

– Не, а почему в мой-то?

– А потому, что у него нет своего.

– Своего компьютера у него нет, а свои родители у него есть? – осведомился сын. – Эти родители могут, в конце концов, купить ему отдельный компьютер? Ну просто для смеха, чтобы он не лез в мой?!

– Тём, давай мы с тобой об этом дома поговорим. Мне сейчас нужно ехать и еще в магазин забежать...

– Не, а почему он в мой-то лезет?

– А своего у него нету!..

И тут ее сын заржал – радостным мальчишеским смехом. В этом он был похож на отца. Тот никогда не умел всерьез раздражаться по пустякам, мусолить обиду, дуться, злиться!..

Самая продолжительная ссора с мужем длилась, помнится, пятнадцать минут. Из них минут пять они препирались, потом разошлись по разным углам, а потом он пришел из своего угла и сказал, что так невозможно, что он так не хочет и не умеет, давай скорей мириться!..

– Ма-ам!

– А-а?

– А может, ты, наоборот, сегодня попозже приедешь? У тебя на работе нет заседания или совещания? Или этого, как его, педикюра?

– Нет, – сказала насторожившаяся Тата, – а что такое? Ты опять назвал полный дом дружанов и не предупредил меня?

– Назвал, – покаялся Тёма. – И не предупредил.

– Артём! Сколько раз я тебя просила!..

– Вообще-то я папе сказал, – сообщил сын делано безразличным тоном. – А он заявил, что будет тебе звонить и все передаст.

– Когда ты ему сказал?! Как?!

– Очень просто, по телефону! Он звонил, спрашивал, какие у меня планы на жизнь, ну, я ему и сообщил, что сегодня все придут – и Димон, и Влад, и Женька!

Тата помолчала, собираясь с мыслями.

– Он тебе звонил... сегодня?

– Ну да. Как только я из школы приехал. Я ему сказал, чтоб он тебе сказал, а он сказал, что скажет...

– А почему ты сам мне не позвонил?

– Ну, ма-ам, – протянул Тёма, – я же знаю, что ты будешь ругаться! А папа никогда не ругается.

В общем, все это шито белыми нитками.

Ее сын, как и все остальные в семье, чувствует неладное и пытается как-то нащупать почву под ногами. Ну, если ро-

дители не разговаривают, может, их хитростью заставить?!.. Пусть отец скажет матери про дружбанов, что ли!.. Тёма его попросит, отец позвонит матери, и они о чем-нибудь поговорят, и болотная зыбкость, опасная для всякого, кто в нее наступает, станет чуть потверже и не такой страшной?..

Нет, Тёма взрослый и умный и прекрасно знает, что люди, бывает, разводятся, у них в классе половина родителей поразвелись, ну и что? Только к его, Тёминой, семье это не имеет никакого отношения. Не может иметь. У них все по-другому, и родители не такие, как все остальные, а особенные, молодые, красивые, продвинутые! И однажды Тёма видел, как они целовались. Он вышел на крыльцо позвать собаку и вдруг увидел их под падающим снегом – они стояли и целовались, как малолетние, и это продолжалось и продолжалось, и Тёма, улыбаясь тонкой улыбкой умудренного жизнью старца, вернулся в дом, аккуратно прикрыл за собой дверь и даже Тюпку не пустил на улицу, заманил своим драгоценным компьютером, чтобы ребенок не мешал родителям целоваться под снегом!

А потом все кончилось.

Отец все время в командировках.

Мать все время на работе.

Только Тюпка все лезет и лезет играть на компьютере, придурок!..

Пообещав, что будет ехать долго, как можно дольше, чтобы Тёма успел замести следы, Тата вышла на улицу и вдох-

нула немного весны.

Весна в Замоскворечье пахла талой водой, автомобильным выхлопом и чуть-чуть вербой, уже надувшей трогательные пухлые щечки. Одинокая захудалая вербочка как раз притулилась возле суперсовременного крыльца, выложенного темным мрамором и облагороженного с двух сторон голубыми елями в кадках. Тата спустилась с крыльца и понюхала вербочку.

Ордынка шумела машинами, копошилась людьми, сияла огнями магазинчиков и ресторанов, где рано зажгли свет, и во всем этом мире верба все равно пахла весной.

– Уже уходите, Татьяна?

Тата открыла глаза – оказывается, она их закрывала.

Он стоял у нее за спиной и улыбался.

Он пришел к ним на работу совсем недавно, встречались они всего раз пять, и он Тате... нравился.

Он хорошо улыбался, хорошо выглядел, кажется, много знал, и на Восьмое марта, праздник всех трудящихся женщин, неожиданно принес ей мимозы. Не те, что продаются в ларьках или даже в роскошных цветочных магазинах вроде «Садов Семирамиды», а какие-то необыкновенные, невиданные и вовсе не похожие на желтые метелки, а вправду похожие на цветы, пахнувшие сладко и остро. Они никуда не помещались, эти необыкновенные мимозы, топорщились, вылезали из всех ваз, и их бархатные листочки деликатно цепляли Тату за ноги, когда она проходила мимо, наконец при-

строив их в ведро, выпрошенное у уборщицы Марьи Сергеевны.

Они были похожи на весну, только не московскую, остоженскую, а на южную, победительную и самодовольную, сиявшую сотней желтых пушистых шариков!

И Олег был похож на весну.

– Вы уходите или только пришли, Таня?

Тата неожиданно сообразила, что рассматривает его почти неприлично.

– Я ухожу, Олег, – и она состроила официальную улыбку коллеги и старшего товарища. – Мне сегодня нужно пораньше домой.

Улыбку он не принял.

– А можно мне вас проводить?

Вот этого Тата не ожидала. В предложении «проводить» было нечто старомодное, из школьной жизни.

– Вы можете меня проводить только до машины, Олег. Вот, кстати сказать, и она.

Он посмотрел на ее машину, залитую с одного бока водой из лужи, и пожал плечами:

– Ну, можно ведь до нее дойти каким-то другим путем.

– Каким... другим путем?

– Вот так, – он кивнул головой куда-то в сторону. – Хотите, я вам покажу свой любимый магазин? Он здесь рядом.

– Магазин? – как попугай переспросила Тата.

Ей тут же представились ряды вешалок, а на них пиджаки

и брюки. И еще как она заходит, а Олег говорит ей – ну вот, это мой любимый магазин.

Или нет, нет, не так. Длинные прилавки с сосисками, колбасами и сырами в вакуумной упаковке, отдельно молоко и яйца в коробках. И Олег говорит – ну вот, это мой любимый магазин.

Ей, конечно, надо в магазин, и как раз где продаются яйца, мука и масло, но Олег тут совсем ни при чем!..

– Олег, спасибо за предложение, но мне правда нужно ехать.

– Вы меня не поняли, – сказал он и засмеялся. – Вы простите меня, Таня, должно быть, я как-то неправильно выразился. Здесь, на Ордынке, есть чудесное место, где продается всякий хлам. Старинные светильники, абажуры, сталинские торшеры и прочая ерунда. Там работает мой приятель. Я иногда к нему захожу просто поболтать или посмотреть, что именно он нашел на очередной помойке. Давайте зайдем?..

Тату никто не приглашал на свидания, наверное, лет триста, а может, восемьсот. Последнее свидание – как раз восемьсот лет назад – закончилось полным фиаско, да и свиданием в полном, так сказать всеобъемлющем, смысле слова это никак нельзя было назвать.

Позвонил бывший однокурсник и пригласил Тату в театр. Она долго собиралась, наводила красоту – однокурсник, шутка ли!.. Столько лет не виделись, и поразить его вооб-

ражение своей не только не ухудшившейся, а значительно улучшившейся красотой очень хотелось.

В общем, Тата собиралась, собиралась, поехала, и уже непосредственно в приюте Терпсихоры, или, быть может, Мельпомены, однокурсник объявил, что у него всего час. Так что вскоре ему придется уйти, видимо, даже не дожидаясь конца действия.

И – самое смешное! – он так и сделал. В середине действия он встал, а сидели они в четвертом ряду, повернулся спиной к сцене, на которой страдал главный герой, и, извиняясь перед потревоженными зрителями, стал пробираться к выходу.

А Тата осталась досматривать, красная как рак и глубоко несчастная. Ей казалось, что главный герой со сцены теперь смотрит только на нее, как на главную сообщницу негодя, и с отвращением смотрит, и она готова была провалиться сквозь пол, напрямиком в театральный подвал.

Так Тата и не поняла, для чего однокурсник все это проделал!.. То ли, увидав Тату, он так перепугался ее улучшившейся за годы разлуки красоты, то ли у него и вправду что-то случилось, только на свидания она больше не ходила.

Да, собственно, и не приглашал никто!..

А Олег пригласил? И это свидание или не свидание? Как понять?

Конечно, хорошо, что в сорок лет к делу подключается голова, и можно этой самой головой придумать правильное

объяснение чему угодно, и разложить по полочкам эмоции, и разобрать по косточкам чувства, и не дать противоречиям стать совсем противоречивыми, а непониманию совсем непонятным.

Конечно, хорошо, что в сорок у тебя появится то, что в умных книгах называется «жизненный опыт», и этим самым опытом можно и должно воспользоваться, чтобы не попасть впросак.

Конечно, в сорок все не так страшно, как в восемнадцать! Все гораздо страшнее.

Олег смотрел на нее и улыбался, и она пребывала в полном смятении чувств.

– Я безопасен, Тата, – сказал он наконец, почему-то назвав ее домашним милым именем. Из всех мужчин на свете до сегодняшнего дня ее так называл только муж. – Ей-богу!.. И в посещении антикварного магазина нет ничего предосудительного, клянусь вам!

Тата немедленно почувствовала себя идиоткой.

– Да ничего я не боюсь, – пробормотала она. – Просто у меня дел полно. Впрочем, если это не слишком долго...

– Совсем недолго!

И они пошли по тротуару, достаточно далеко друг от друга, но все же как будто объединенные ее согласием.

– Я рад, что встретил вас.

Она посмотрела вопросительно.

– Возле крылечка, – пояснил он весело.

Ему нравилось ее смущать. В ней странно и притягательно сочетались внешняя зрелость и беззащитная детскость, с ней хотелось играть в слова, в «гляделки», декламировать из романтических поэтов и рассказывать истории о том, как охотятся на львов в пустыне.

Ему казалось, что она во все поверит.

– Какое у вас славное имя – Тата.

– Татой меня зовут только дома, и это никакое не славное имя, а что-то вроде собачьей клички. У нас собаку зовут Ляля. Ее Ляля, а меня Тата! Очень удобно приучать животное откликаться, всего два повторяющихся слога. Это написано в любой книге по собаководству!

– Вас назвали в соответствии с книгой по собаководству?!

– Да нет, конечно, – сказала Тата с досадой. – Меня и вправду так зовут только дома, и я теряюсь, когда меня так называют...

– Посторонние?

Она кивнула:

– Откуда вы узнали, вот загадка!

– Это никакая не загадка. Вы однажды приехали вместе с какой-то дамой, очень красивой, кажется вашей матушкой, и она все время называла вас Татой. А я услышал, вот и все. И мне не хочется, чтобы вы считали меня посторонним.

Тата открыла было рот, чтоб спросить, кем же тогда она должна его считать, уж не своим ли, но решила не спрашивать.

– А мама у меня в самом деле красивая, – быстро сказала она, чтобы что-нибудь сказать. Ей было неловко.

– Говорят, если хочешь узнать, как женщина будет выглядеть в... зрелом возрасте, достаточно посмотреть на ее мать. И все станет ясно.

– Олег, я и сама в достаточно зрелом возрасте! Мне в апреле стукнет сорок. Или это был такой комплимент?

– Комплимент, – покаялся он. У него были веселые карие глаза с золотистыми точками.

Тата быстро посмотрела и отвернулась.

– А что? Вы не любите комплименты?

Она нехотя пожала плечами.

Как можно не любить комплименты или, напротив, их любить? Комплимент и есть комплимент – вроде сказано что-то приятное, и вроде это хорошо, и в то же время никто не обязан сказанному верить.

Хотя в умных книгах – «Наше счастье в наших руках!», «Как приручить мужчину», «Выиграй войну и обрети ЕГО!» – сказано, что комплиентам необходимо радоваться и в них надо верить.

Тата редко радовалась. И уж никогда не верила!..

Ну, вот она точно знает, что сегодня выглядит плохо, не выспалась, да еще чаю на ночь нахлесталась, потому что перед этим наелась винегреты с солеными огурцами и квашеной капустой, и вид у нее теперь, как у китайского подводника – глаза узенькие-узенькие, заплывшие-заплывшие, а ще-

ки, наоборот, желтые-желтые и раздутые-раздутые, – и ботинки надела не те: во-первых, жмут, во-вторых, как-то на редкость неудачно пережимают ногу повыше щиколотки, от чего нога похожа на бледную перетянутую толстую сардельку, а навстречу ей в коридоре попадается Павел Петрович и говорит: «Вы сегодня особенно прекрасно выглядите, Татьяна Алексеевна!»

По мнению авторов умных книг, Тата должна возрадоваться, посмотреть на себя глазами Павла Петровича и не найти в себе ни одного недостатка, но она-то знает, что их тьма! И вряд ли Павел Петрович ослеп, оглох, потерял обоняние, осязание и разум, ибо только в таком состоянии можно все эти недостатки не заметить!

Нет, Тата не любила комплименты и не умела им радоваться!

И муж никогда ей не говорил, сколь она прекрасна.

Он был двадцать лет на ней женат, и двадцать лет его комплименты выглядели следующим образом: она спрашивала, хорошо ли выглядит. Он отвечал: ты очень красивая женщина.

При этом он мог смотреть в окно, в телевизор, в журнал или в Тюпину книжку, если Тюпа требовал, чтобы папа ему читал.

Зачем мне на тебя смотреть, я и так знаю, что ты красивая!..

В переводе на нормальный женский язык это означает –

отстань от меня.

И Тата отставала. Приучила себя отставать...

Под ногами было скользко и как-то не слишком надежно, а Тата на каблуках, и теперь перед ней стоял практически неразрешимый вопрос – взять Олега под руку или не брать.

Не взять – можно животом плюхнуться в жидкую, размолотую ногами кашу.

Взять – не будет ли это слишком фамильярно и не подумает ли он чего!

Сорок лет – это прекрасный возраст женственности и осознания себя в этом мире. Тата решительно не могла понять, осознала она себя в своей женственности или пока еще нет.

По всей видимости, нет.

Тут – на мысли о женственности – она и поскользнулась, и Олег ее поддержал. Он поддержал ее совершенно естественно, и Тата сказала себе, что это нормально, не мог же он позволить ей плюхнуться! И руку свою на ее локте оставил тоже совершенно естественно, и Тата сказала себе, что это нормально, а вдруг она опять поскользнется!..

– Вы любите весну?

– А? Весну?

Она понятия не имела, любит весну или не любит. Как не имела понятия, любит ли она человечество в целом. Весной она любит весну, зимой любит зиму. Любит, чтоб на Новый год был снег, морозец, и чтоб в Боженке на участке бенгальские огни втыкали в сугроб, и чтобы за нос щипало. В ок-

тябре любит запах дыма, опавших листьев, подмороженных яблок, которые, если надкусить, оставляют во рту холодный винный вкус. Летом любит, чтоб было жарко и чтоб можно было носить сандалии с открытыми пальцами – тогда виден красный лак на ногтях – и длинные льняные сарафаны, и чтоб теплый ветер непременно трепал подол! А весной...

Весной ей всегда тревожно, и ничего с этим нельзя поделать.

И сейчас ей тревожно от его руки, от его золотистых глаз, от того, что он рядом, такой высокий, незнакомо пахнущий, в распахнутой куртке!..

Зачем он спрашивает?.. И так все ясно.

– Я люблю Пасху, – сказала Тата, чтобы не отвечать про весну. – Мы всегда куличи печем. Это семейная традиция. Я как раз сейчас должна метаться по магазинам и покупать муку, изюм и масло. В куличи нужно очень много масла. И это очень долгая история – куличи, а я вместо этого, видите, с вами иду к вашему другу!

– Во-первых, я счастлив, что вы идете со мной к моему другу. А во-вторых, куличи можно и в булочной купить. Зачем вы их сами печете?

– В магазине? – переспросила Тата и засмеялась.

Покупать куличи в булочной казалось ей дикостью.

Бабушка Татьяна Львовна говаривала, что чем покупать кулич в магазине, лучше тогда совсем без него!..

Еще Татьяна Львовна говорила, что весь смысл кулича в

том, что пекут его с любовью, с радостью, предвкушая еще большую пасхальную радость, а вовсе не в том, чтоб в какой-то определенный день весны взять да и съесть кусок сдобной булки! Ее можно и просто так в любой день съесть, без всякой Пасхи!

А еще Татьяна Львовна говорила, что даже в войну, в эвакуации, когда ничего невозможно было ни купить, ни достать, как-то ухитрились, меняли на молоко, муку и масло последние вещички или немудреное прабабушкино золото, полученное в наследство, только куличи все равно пекли. И не было за годы войны ни одной Пасхи без кулича!

А еще Татьяна Львовна утверждала, что для этого тайного и многотрудного дела все женщины семьи должны собраться вместе, все должны поучаствовать и все должны думать о любви. И только в этом случае кулич получится такой, каким ему должно быть, – пышный, легкий, пропеченный, с глянцевыми спинками запекшихся изюминок на высокой золотистой маковке.

И все это она рассказала Олегу, радуясь тому, что он слушает так внимательно, с таким искренним интересом, и ей даже жалко стало, когда он вдруг придержал ее за руку и сказал:

– Мы пришли.

С жестяной крыши над крылечком потоком лилась вода, прямо на голый обмороженный куст, каждая веточка была в ледяном панцире. По трубе скатывались оттаявшие льдины,

вылетали на тротуар и рассыпались под ногами, как осколки битого стекла. В окошках, забранных чугунными старинными решетками, горел уютный свет и двигались какие-то тени.

– Заходите, Тата. Там внизу тоже интересно, но мы сначала пойдем повыше.

Оставляя мокрые следы на чугунной ажурной лестнице, почему-то напомнившей Тате пьесу Островского, они поднялись на второй этаж.

Олег открыл дверь. Меланхолически прозвонил колокольчик, и они оказались в тесно заставленной комнатухе с высоким сводчатым потолком.

– Да, да! – прокричали откуда-то. – Я слышу!

На стенах висели светильники в виде купидонов и виноградных гроздьев. С потолка низвергались люстры таких размеров, что нижние тонкие стеклянные лепестки почти касались темного паркетного пола. Какие-то эскизы навалены кучей в углу, а на столе с потертой кожаной крышкой валялись свернутые в трубку рисунки, стоял старинный чернильный прибор – одной крышки не хватало, и из чернильницы торчали карандаши, – и ноутбук примостился рядышком, и допотопный черный телефон на стене.

Тата думала, что он тоже продается, но в этот момент он вдруг позвонил – громким, требовательным, залихватским звоном!

Здесь было удивительно тепло и пахло пылью, сухими цветами и, пожалуй, полиролью.

– Нравится? – тихонько спросил Олег.

Тата покивала. Глаза у нее горели.

Она стала разматывать шарф, и Олег тихонько взял его у нее из рук и положил рядом со своим рюкзаком на кожаный обшарпанный диван, стоявший при входе.

Телефон позвонил-позвонил и перестал.

– Я же сказал, иду! – нетерпеливо повторил тот же голос, и теперь Тата поняла, что он доносится откуда-то сверху. – Я здесь! И звонят, и звонят!.. И идут, и идут!..

Со стремянки, широко расставившей латунные ноги в дальнем конце этой необыкновенной комнаты, у самого окна, спустился лохматый молодой человек в очках. В руках у него был купидон, держащий свечной рожок.

– Ага, – сказал молодой человек с удовольствием, – вот это кто!..

– Привет, – поздоровался Олег. – Тата, познакомьтесь, это Игорь, мой приятель. Мы вместе в институте учились. А это Татьяна, моя... коллега. Мы просто гуляли и решили к тебе зайти. Нам ничего особенно не нужно, так что ты не обращай на нас внимания.

– Как же мне не обращать внимания, когда ты приводишь ко мне таких красивых женщин, – лохматый Игорь поклонился Тате. Свитер болтался и шевелился на нем, как будто снятый с человека примерно раза в два больше. – Да еще без предупреждения!

– Здравствуйте! – весело поздоровалась Тата.

Почему-то этому очкастому, отвесившему ей комплимент, она моментально поверила.

– Значит, вы гуляете? И просто так зашли? Ни за что не поверю! Наверняка не просто гуляете и не просто зашли! Скажите, прекрасная Татьяна, может быть, вам все-таки что-нибудь нужно? Может быть, вы художник и оформляете дом какого-нибудь нувориша, и вам понадобилось нечто особенное? И мой друг вспомнил обо мне, бедном хранителе старины и любителе всякого хлама, и привел вас сюда?

Он трепался как-то так, что Тата моментально простила ему и «прекрасную Татьяну», и подозрение в том, что она «художник».

– Смотрите, какой чудный купидончик! – И он жестом фокусника сунул к самому ее носу бронзовую фигурку. – Обратите внимание, как он лукав и в то же время мудр! Стрела купидона никого не поражает напрасно, не так ли, мой бедный друг? – Это было сказано Олегу. – Нет, что ни говорите, а модерн был лучшим из направлений в искусстве!

– А по-моему, нисколько он не мудр, – заметила развеселившаяся Тата и взяла купидона, оказавшегося на удивление тяжелым, из рук лохматого и очкастого. – Да и вообще это просто бронзовая поделка, и хороша она только тем, что отлили ее в девятисотом году!

– В девятьсот восьмом, – поправил лохматый с удовольствием, сложил на груди костлявые руки и подбодрил: – Продолжайте, продолжайте!

– Точно так же, как этот купидон, хороши кобальтовые чашки Ломоносовского завода из сервиза моей бабушки! Лет через пятьдесят о них будут говорить, что это произведение искусства украсит собой любую коллекцию! Художники-реалисты середины пятидесятих годов двадцатого века нашли свой способ выразить протест диктатуре – посмотрите, как глубок этот синий цвет! А какова золотая окантовка! Ее ширина составляет ровно семнадцать миллиметров, и что это, если не намек на пролетарскую революцию семнадцатого года?

– Bravo! – одобрил лохматый и, обратившись к Олегу, добавил: – Не только красива, но и умна!..

И Тате это было приятно.

– Ну хорошо же! – Лохматый взял у нее из рук купидона и сунул на заваленный всякой всячиной подоконник. – Шут с ними, с заводскими образчиками литья! А посмотрите вот на это! Вот про это вы никогда не сможете сказать, что это так же хорошо, как кобальтовые чашки вашей бабушки! Венецианское стекло, семнадцатый век. Подлинник, хотя, конечно, многое пришлось восстановить. – Он за руку подвел Тату к низвергающейся с потолка люстре. – Посмотрите, посмотрите! Тут ведь дело не в том, что цена ей – полмиллиона! А в том, как много она повидала на своем веку! Вы только представьте себе! Она висела в какой-то зале – судя по ее размерам, огромной зале. В каком-то доме – судя по ее богатству, в состоятельном доме! Под ней танцевали, прини-

мали гостей, целовались, ссорились, мирились, на ее подвески капал воск многочисленных свечей! Под ней проходили лакеи, пробегали дети, проносили усопших!.. А теперь она здесь, у меня, и, видит бог, как мне не хочется с ней расставаться!

– Вы ее продаете?

– Я надеялся, что не продам так быстро, – сказал лохматый почти печально. – Но покупатель уже есть, так что...

И он махнул рукой, словно сожалея о том, что получит полмиллиона за свою необыкновенную люстру.

В каморке лохматого они пробыли долго, при этом хозяин то и дело обращался к ним обоим сразу, как бы объединяя их, и на Ордынку Тата с Олегом вышли гораздо более близкими людьми, чем вошли в магазин.

На улице синели зыбкие весенние сумерки, сильно похолодало, под ногами хрупал ледок, и воздух стал колким, утратившим дневные запахи оттаявшего города.

– Господи, – спохватилась Тата, – какой ужас! Сколько времени?

– Без... – он посмотрел на часы, – без двадцати шесть.

– Как шесть?! Я давно должна быть дома! У меня куличи!

– Да-да, я помню, – согласился Олег. – Вы всегда их печете, потому что глупо покупать их в магазине. Так сказала ваша бабушка.

– Вы что, смеетесь?

– Ни в коем случае! Поужинать со мной вы, конечно, не

согласитесь? Даже если я пообещаю вам заказать на десерт кулич?

– Мне срочно нужно домой, Олег, – твердо сказала Тата. – Спасибо за экскурсию, но сейчас мне правда нужно ехать!

Как-то так получилось, что они уже добежали до ее машины, а казалось, что до магазина шли довольно долго.

Тата глупо потрясла его руку, открыла дверь, пролезла на водительское место – лезть было очень неудобно, соседняя машина стояла слишком близко, и Тате пришлось извиваться, как индийской женщине во время исполнения танца живота.

Он придержал ее дверь.

– Можно, я вам позвоню?

– Зачем? То есть, конечно, конечно, звоните, я всегда на месте, с девяти до шести.

– Можно я позвоню вам, Тата?

Она перестала метаться, отводить глаза и производить массу совершенно лишних движений. И посмотрела на него из машины – снизу вверх.

В конце концов, что ей терять?!

Ей сорок лет, и она знает о жизни все.

Ее муж пропадает в командировках, и она почти точно знает, что, вернувшись в очередной раз, он объявит, что вернулся в Москву, но не к ней, все кончено, у него теперь своя жизнь, у нее своя, и ей казалось, что она к этому почти готова.

Ее дети почти выросли, чуть-чуть, и она перестанет быть им нужна, у них и сейчас уже свои интересы.

Почему бы нет?..

И она разрешила:

– Позвоните, – и тут же устыдилась, что ломалась так долго и устроила из совершенно пустякового дела какую-то канитель.

Всю дорогу до Боженки она пребывала в задумчивости, вспоминала свое «свидание» в мельчайших подробностях, так же, не выходя из задумчивости, купила в сельском магазинчике все, что нужно для куличей, и, подъехав к воротам, решила, что все-таки позвонит.

Зачем так мучиться? Лучше задать вопрос и получить ответ.

Решительной рукой она достала телефон и нажала одну кнопку.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – сообщил ей телефон. – Попробуйте перезвонить позже».

Телефону не было никакого дела до того, что решиться перезвонить трудно, и еще неизвестно, решится ли она.

Подумав, она набрала совершенно другой номер.

– Здравствуйте, – сказала она, когда ей ответил женский голос, – можно попросить Максима Владимировича?

Женский голос уверил ее, что Максим Владимирович ответить не может, зато Тата может оставить сообщение, и

Максим Владимирович, когда сможет...

– Спасибо, – не дослушав, поблагодарила Тата, нажала «отбой» и еще немного посидела, не открывая дверь. Ей не хотелось выходить. Потом пропела: – О, сколько их упало в эту бездну, отверстую вдали, настанет день, когда и я исчезну с поверхности земли...

И полезла вон из машины.

На дорожке с одной стороны подтаяло, а с другой, наоборот, подмерзло, каблук у Таты подвернулся, и она чуть было не упала со всеми пакетами, которые тащила в обеих руках.

Когда она добралась до крыльца, дверь в дом распахнулась так, что со всего размаху ударилась о стену и начала медленно закрываться, а в проеме показалась огромная ушастая башка. Башка покрутилась из стороны в сторону, акуля пасть растянулась в совершенно ангельской улыбке, и на крыльцо выдвинулась Ляля. Твердый, длинный, упругий хвост заработал, попадая по стенам и сотрясая их до самого основания.

– Марш домой! – велела Тата. – Заходи обратно, ты весь дом разнесешь своим хвостом!

Ой мамочки, сказала Ляля, как хорошо, что ты приехала, вот счастье-то! Дай я тебя поцелую!

И она прыгнула на Тату. От прыжка дом покачнулся, как во время землетрясения, и далеко-далеко, может в подполе, а может, на соседней железнодорожной станции, что-то упало и разбилось.

– Ляля, у меня руки заняты! Ляля, прекрати лизаться! Дай мне поставить сумки, и мы с тобой поздороваемся!

Ляле некогда было ждать. Она радовалась, как дитя.

Должно быть, небольшой трицератопс, завидев археоптерикса на верхушке каменноугольного древовидного папоротника, подпрыгивал так же жизнерадостно и живо, и стволы доисторических деревьев так же содрогались до основания.

Пятнистая зелено-коричневая, в цвет камуфляжа американского морского пехотинца голова размером примерно с две человеческие поддевала руку хозяйки, чудовищная пасть расплывалась в счастливой улыбке, лапы, напоминавшие те самые стволы доисторических деревьев, клацали по гладким доскам веранды.

– Ляля, дай мне войти!

Ну, подожди, приговаривала Ляля, глядя умильно и умоляюще, сначала поговори со мной! Где ты была так долго?! Я тебя прямо заждалась! Вот смотри, я сейчас брякнусь на спину, а ты почеси меня немножко, пожалуйста, а? Прямо тут, на крылечке! Пока тебя никто не отвлек! Ты меня будешь чесать, а я тебе расскажу, как я жила весь этот длинный день! Ты же была на работе и наверняка очень соскучилась по своей собаке и думала о ней каждую минуту! Да? Да? Да?

Розовый язык такой длины, что было совершенно непонятно, как он помещается даже внутри такой гигантской пасти, высунулся, Ляля прицелилась хорошенько и...

– Ляля! Нельзя! Ты же знаешь, что я этого не люблю!

– Мам, ты чего орешь?

– Если бы хоть кто-нибудь вышел и помог мне с сумками, я бы не орала!

Тёма перехватил у нее пакеты. Он что-то жевал, был бо-сиком и в одной майке, а на улице острый весенний морозец.

– Тёма, немедленно иди в дом! Ляля, на место!

– Дай сумки-то!

Ляля в это время прилегла на передние лапы, шевельнула задом, приготавливаясь, и скакнула на Тату. Но Тата была готова. Одновременно с Лялей она прыгнула в сторону, и могучая, литая, вся состоящая из мышц туша приземлилась на пол. Веранда затрещала и, кажется, заходила ходуном.

Пока Ляля с горестным недоумением оглядывалась и со-ображала, почему у нее не получилось обнять хозяйку и изо всех сил прижать ее к своей любящей груди, Тате удалось заскочить в дом.

Следом, толкаясь, влетели Тёма с Лялей.

– Тата, почему ты так поздно?! Ты же еще днем сказала, что выезжаешь!

– Меня с работы не отпустили, мама, – соврала Тата, а Ляля забежала сбоку и опять лизнула ее в лицо. Розовый горячий язык прошелся по всей хозяйкиной физиономии, от уха до уха.

Ну и на том спасибо. Обнять не удалось, так хоть вылизать! По крайней мере, теперь будет пахнуть хорошо, а то

несет невесть чем – духами, сигаретами, гадость какая!

На пороге огромной кухни, переделанной из трех комнат старого дома, показалась бабушка в лиловом брючном костюме, с покрашенными губами и мундштучком. В мундштучке дымилась пахитоска.

Мать тут же сделала недовольное лицо и помахала рукой, разгоняя бабушкин дым.

– Тата, собака совершенно распустилась! Зачем ты разрешаешь ей лизаться?!

– Я не разрешаю, – буркнула Тата.

– Я прочитала в газете, что собаки – разносчики всех болезней! То есть нет такой болезни, которую не разносили бы собаки! А она у вас валяется, где хочет, да еще лижется! Немедленно ступай умываться! Иначе я не стану с тобой здороваться.

– Мама, когда вы приехали?

– Давно, – сказала мать и дернула плечом.

Из этого следовало, что, как всегда, ее бросили одну, наедине с ведром куличей и кучей детей, как будто она не человек, а прислуга, и никто не обращает на нее внимания, и помощи ни от кого не дождешься.

– Я тебе сейчас помогу, – заспешила Тата. – Ты тесто уже поставила?

Мать ничего не ответила. Значит, не просто обижена, а обижена всерьез.

Сейчас придется умолять, упрашивать, каяться, так или

иначе мириться, ибо, не помирившись, нельзя печь куличи!..

– Бабушка, а ты?

– Я?! Разумеется, я не разрешаю вашей собаке на меня прыгать и тем более лизать! Я читаю газеты и знаю...

– Да я не о собаке! Ты когда приехала и кто тебя привез?

– Я приехала полчаса назад, – отчеканила бабушка. – Меня привез Володя. Вот образцовая семья. Никаких собак. Никаких болезней. Дети учатся во французской спецшколе, и еще к ним ходит преподаватель китайского языка. И Володя, между прочим, не пропадает в командировках.

– Мама, – торопливо вмешался Тёма, – у нас сочинение по Чехову. Рассказ называется «Студент». Я нич-чего не понял! Давай ты прочтешь и напишешь! То есть мы вместе напишем, я хотел сказать.

– О господи, – пробормотала Тата.

– Тата, я не могу найти формы! Где формы для куличей?

– Мама, зачем тебе формы, если ты еще не ставила тесто?

– Я хочу их помыть. Заранее. И откуда ты знаешь, что я не ставила тесто?

Тата, на ходу засовывая ноги в шлепанцы, подбородком показала на стол.

– Ничего нет, – сказала она и принялась выгружать из пакетов еду в холодильник. – Ни муки, ни кастрюль, ничего. Если бы ты уже поставила тесто, все вокруг было бы в муке и грязной посуде!

– Подумаешь, какая дедукция!

– Мам, можно я Ляльке на голову шапку надену?

Младший сын Тюпа показался из-за диванной спинки и опять пропал за ней, залег в засаду. Телевизор работал на спортивном канале. Тюпа признавал только мультики и спорт.

– Зачем Ляле шапку?!

– Бабушка Таня, – так ее дети называли прабабушку, чтобы легче было разбираться, где просто бабушка, а где «пра», – сказала, что уши нужно беречь, а то они застынут и будет мутит! А собака ходит без шапки!

– Какой... мутит?!

– Это такая болезнь ухов, – охотно пояснил Тюпа и опять показался из-за дивана. Тата наконец сообразила, почему он не вышел ее встречать.

Там, за диваном, он ел шоколад, что было ему категорически запрещено ввиду сильной аллергии.

Тюпа ел шоколад, прячась за спинку дивана, и рот у него был перемазан, и руки, и даже волосы немного. Тюпа всегда все делал с увлечением – ел, спал, читал, пачкался!..

В этом он был похож на своего отца, который нынче пропадает в командировках.

– Болезнь ушей называется отит, – отчеканила Таня. – Шоколад тебе нельзя! Ты что, этого не знаешь?! Завтра будешь весь чесаться! Мама, кто привез ему шоколад?!

– Я привезла, – объявила бабушка откуда-то из глубины дома. – Ну и что?

– У него аллергия!

– Такой болезни не существует, – твердо сказала бабушка. – Это все выдумки. Существуют только неправильное питание и родительская безалаберность!

Тата, покопавшись в специальном «аптечном» ящике стола, сунула Тюпе таблетку от аллергии и стакан с водой, а недоеденную плитку отобрала.

Тюпа заныл, и Ляля немедленно взгромоzdилась к нему на диван – утешать.

– Тата, прогони собаку! Собака и ребенок не могут сидеть на одном диване! У нее глисты, и у него тоже будут глисты!

Тата рассеянно доела надкушенную, теплую, подтаявшую Тюпину плитку.

– У него будут не глисты, а аллергия. Прямо завтра. Бабушка, ему нельзя шоколад. Не привози больше, пожалуйста! Если хочешь его угостить, привези, не знаю, яблок, что ли!..

– Я не люблю яблоки! Я шоколадку люблю!

– Мам, этот рассказ «Студент» всего три страницы! Ты его быстро прочтешь!

– А Сережа? – спросила Тата у матери. – Уехал?

– Они с Лерой поехали в магазин. – Мать пожала плечами. – Они приехали, заглянули в твой холодильник и... в общем, поехали в магазин.

Значит, сестра обнаружила, что у Таты есть нечего, и теперь ликвидирует прорыв. Очень на нее похоже.

– А Сашка с Машкой? – Так звали племянниц.

– Они наверху.

– Что они там делают?!

– Они копаются в твоей косметике, мам, – сказал Тёма совершенно равнодушно.

Тата посмотрела на него. У него было такое лицо – вот-вот расхохочется!

– А что делать, мам? Если выгнать их из твоей косметики, они влезут в мой компьютер!

В это время входная дверь распахнулась, что-то грохнуло, Ляля бабахнула чудовищным лаем, как будто пушка выстрелила, скатилась с дивана и тяжелой рысью понеслась к выходу. Мать уронила в раковину жестяную форму. Тюпа заверещал и запрыгал на одной ноге – кажется, в телевизоре кто-то кому-то забил гол.

Светопреставление и всеобщее смятение.

Ничего не случилось. Просто сестра с мужем приехали из магазина.

Пока Тата целовалась с Лерой, Ляля от души вылизывала их обеих под громкие протесты матери и бабушки. Сверху скатились девчонки – кажется, губы у них были накрашены – и моментально переключили Тюпин спорт на сериал «Очарованные в лесу», а может, «Дора Фрукт, расхитительница садов», и Тюпа задал им жару.

Следом за Лерой в дверях показались двоюродная сестра Шура, ее муж, тот самый Володя, что привез бабушку, и их

сын Даниил.

Ляля снова забрехала, так что стены заходили ходуном.

Двоюродную сестру Шуру, а также Даниила с Володей Та-та терпеть не могла.

Тата терпеть не могла, а бабушка обожала.

С точки зрения бабушки, только они из всей семьи жили «правильно».

– Гос-споди, – сказала Шура с порога, – гос-споди, что здесь происходит? И какая вонь! Гос-споди, как воняет этой собакой!..

– Мама! – перекрикивая шум, с лестницы заорал Тёма. – Я пока на компьютер пойду! А ты рассказ прочитаешь, да?

– Татьяна Львовна, как вы все это выносите? – Дядя Володя, брезгливо переставляя длинные ноги в каких-то невиданных волосатых брюках, подошел к бабушке и почтительно ей поклонился. Сверкнула его лысина.

– И не говорите, Володя! В моем возрасте уже не под силу весь этот Содом с Гоморрой! Каждый год я говорю себе, что уж в следующем точно не поеду, но Пасха, как же не ехать!..

– Приезжала бы к нам в Марьино, бабушка, – сказала Шура.

Она слегка поцеловала Тату, на Леру не обратила вообще никакого внимания, Сереже кивнула и как была, в теплых ботах, решительно двинулась к телевизору и выключила «Очарованных в лесу», а может, «Дору Фрукт, расхитительницу садов». А пульт от телевизора сунула себе в карман,

словно в сейф заперла.

Девчонки заверещали, но Шура была непреклонна и к тому же обнаружила их накрашенные губы.

– Что это такое?! – взревела Шура так, как будто бульдозер завелся. Даже бесстрашная Ляля, не боявшаяся никого и ничего на свете, стала сдавать задом, пока не уперлась Тате в ноги.

Шура взяла обеих малолетних преступниц за подбородки и повертела их головы из стороны в сторону. Девчонки таращили испуганные глаза и покорно вертели.

– Марш умываться! Вы выглядите, как... как женщины легкого поведения!

Девчонки одновременно моргнули.

– Где вы взяли эту гадость?! Кто вам разрешил?!

– Шурочка, успокойся, – фальшивым голосом сказала Та-та, – это я им разрешила. Мы просто баловались.

Шура выпустила девчонок, которые проворно, как кошки, стали улепетывать по лестнице на второй этаж.

– Как?! Ты разрешаешь девочкам пользоваться косметикой?! Позволь, но в десять лет это совершенно недопустимо!

– Шура, не переживай! – бодро сказал Сережа, Лерин муж и по совместительству отец преступниц. – Ничего страшного не происходит!

– Как это не происходит?! Ты же отец! Детей нужно держать в узде, спроси у Владимира!

Дядя Володя несколько раз согласно кивнул.

– Даниил и Арсений никогда этого себе не позволяли!

– Если бы Даниил и Арсений красили губы, это была бы действительно катастрофа, – громко сказала Лера, которой было наплевать на Шуру с Володей. – Мам, что ты возишься с этими формами? Отстань от них! Давай быстренько соорудим ужин, всех накормим и разгоним спать.

– А куличичи? – с робкой надеждой на избавление спросила мать.

Возиться с тестом ей не хотелось – она вообще терпеть не могла домашние дела, – но сейчас она уже совсем приготовилась исполнять свой долг, и Лерино предложение словно избавляло ее от неминуемого восхождения на костер!

– Куличичи мы с Татой поставим без вас!

– Как?! Ночью?!

– А хоть бы и ночью!

Спорить с Лерой никто не осмелился – уж такая она уродилась, что с ней никогда никто не спорил.

Даже в детском саду на утреннике она объявляла воспитателям, что изображать лошадку не станет, зато будет изображать белочку, и заставлять ее никто не решался.

Бабушка, и та относилась к ней с осторожным уважением.

Тата всегда думала, что, если бы у нее была какая-то другая сестра, она, Тата, должно быть, давно бы уж совсем пропала!..

В один момент Лера соорудила ужин, рассадила сначала детей – «мама, я не буду мясо, я хочу йогурт и сыр!» – потом

выгнала детей и рассадила взрослых.

– Лерочка, ты же знаешь, что картофель на ночь вреден!

– Не ешь, бабушка.

– И салат недосолен!

– Возьмите соль и посолите, Владимир!

– Лерка, у нас на плите что-то горит!

– А! Выключи, я забыла под сковородкой газ погасить.

Наступил некий тайм-аут. Дети возились на втором этаже, оттуда доносились их вопли и тяжелые прыжки Ляли, как будто там учили бегемота прыгать с тумбы на тумбу. Взрослые чинно ели и беседовали о том, какая холодная нынче Пасха, и весны теперь стали не те, и продукты опять подорожали, а муку для куличей следует брать только французскую, потому что у нашей помол нехорош.

Тата жевала и думала об Олеге и о том, как она сегодня гуляла по Ордынке.

И еще она думала о люстре, которая низвергалась с потолка и доставала почти до пола, как сверкающий хрустальный водопад, и о том, что эта люстра наверняка была свидетельницей удивительных событий.

Еще она прикидывала, рассказать Лере о том, что она была почти что «на свидании», или не рассказывать.

Рассказать очень хотелось.

Но тут выдвинулась бабушка. Она выдвинулась во фланг, развернула знамена, пришпорила скакуна и понеслась.

– Тата, где твой муж? Я же тебя спрашивала, будет ли он

на Пасху дома, и ты сказала, что непременно будет!

Глаза Шуры зажглись любопытством, а лысина дяди Володи порозовела от удовольствия. Надвигался скандал или, по крайней мере, теплое семейное разбирательство, а что может быть интересней?..

– Бабушка, я ничего такого не говорила! Он улетел на Север и вряд ли успеет вернуться к воскресенью.

– Как?! На Новый год он тоже не успел вернуться!

– Ты все забыла! На Новый год как раз успел.

– Но прилетел тридцать первого числа, а улетел второго или третьего! Я ничего не забываю, потому что принимаю капли для головы.

– Он занят, бабушка, – быстро сказала Лера. – Ты же знаешь, какие у него дела.

– Я знаю, что у него есть семья и дети, – величественно возразила бабушка и вставила пахитоску в мундштучок.

Тата подскочила и подала ей пепельницу. Мать смотрела несчастными глазами – ей не хотелось, чтоб в семье были проблемы, которые она никогда не умела решать, и жалко было Тату.

– У него семья, дети, а он пропадает непонятно где! – продолжала бабушка. – Мальчики совершенно отбились от рук.

– Никто не отбился.

– И собака делает все, что хочет! Еще, боже избави, ты начнешь на свидания похаживать!

Тата уже начала «похаживать», но знать об этом никому

не полагалось.

– Я думаю, – вступила Шура, – что они разводятся. Так всегда бывает. Семья всегда узнает последней.

– Типун тебе на язык, Александра! Если они разведутся, дети умрут с голоду.

– Никто не умрет!

– Тата, не обращай внимания. Налей мне лучше чаю.

– Мама, не переживай.

– Вы и вправду разводитесь?

– Конечно, нет! – воскликнула Тата, но как-то не слишком уверенно, и ей показалось, что все за столом услышали эту неуверенность в ее голосе. – То есть я думаю, что мы не разводимся.

– А что думает на этот счет твой муж?

Тата не знала, что именно он думает.

Если б им удалось поговорить, наверное, она бы знала, но телефон у него все время выключен, а когда он прилетает в Москву, ему недосуг разговаривать с Татой.

Так уж получилось.

– Н-да, – протянул дядя Володя и пробарабанил пальцами по столу какой-то марш. – Разводы катастрофически сказываются на детях. Катастрофически!

– Катастрофически, – подтвердила Шура, которая никогда в жизни не разводилась.

– Мальчикам особенно нужны дисциплина и послушание. Только дисциплина и только послушание! Если, конечно, мы

хотим вырастить мужчин, а не этих современных... хлюпиков. Мой сын Арсений в этом смысле подает самые радужные надежды.

– В смысле дисциплины и послушания? – уточнила Лера. Она чай не пила, таскала из тарелки овощи и салатные листья. Сейчас она жевала петрушку, которая свешивалась у нее изо рта, как у ослика Иа.

Может, именно из-за петрушки всем показалось, что она дразнит розового дядю Володю.

Дядя Володя из розового перелился в красный цвет и отчеканил, глядя поверх Лериной головы:

– Именно в этом смысле, дорогая! Вас с Сергеем это также должно волновать, потому что вы воспитываете девочек, будущих матерей!

– Ну, отцов-то вы уже воспитали, как мы все поняли!

– Арсений – это моя гордость. Даниил гораздо, гораздо более расхлябанный молодой человек. Его захлестнули среда и эта невыносимая компьютерная культура! Он играет в игры!

– Это нормально, – сказал Лерин муж. – Если только он не делает этого сутками.

– Я отвожу ему для занятий на компьютере ровно сорок пять минут, – дядя Володя окинул родственников победительным взглядом – вот какой хороший и внимательный родитель. – За это время он может сыграть несколько прекрасных партий в шахматы на специальном шахматном сайте! А

он играет в войну!.. И мне пришлось принять радикальные меры. Я лишил его компьютера.

– Как?!

– Он же взрослый, – жалобно сказала Тата. – Ему же... сколько? Пятнадцать? Или уже шестнадцать? Как можно лишить его компьютера? Он же не Тюпка!

– Гос-споди, ты все называешь своих детей этими собачьими именами?

– Шурочка, позволь мне закончить. Никакого компьютера. Никаких стрелялок. Ничего такого, что развращает молодого человека.

На лестнице произошло какое-то шевеление, и Тата, задрав голову, посмотрела вверх. По балкону второго этажа, куда выходили двери спален, кто-то прошел и остановился на площадке.

Тата подумала, что детям давно пора спать, и тут же забыла об этом.

– Даниил заканчивает десятый класс и поедет доучиваться в Воронеж.

Лера перестала жевать петрушку.

– Зачем?!

– Моя сестра заведует там школой-интернатом. Даниил, как зарекомендовавший себя не с лучшей стороны, будет там учиться дисциплине и самостоятельности.

– Сдали бы вы его в Москве в интернат, – сказал Сергей и поднялся из-за стола. – Чего в Воронеж-то тащить!

– Ты не понимаешь. Там он будет под присмотром, и потом, чем дальше от Москвы, тем меньше соблазнов!

– Компьютер и в Африке компьютер, не то что в Воронеже! Или вы думаете, что компьютеров нет именно в Воронеже, что ли?! – с досадой перебил Сергей.

Казалось, он хочет сказать что-то такое, чего говорить ни в коем случае нельзя, особенно за семейным столом, и сдерживается только из соображений политкорректности.

А может, потому, что Лера из-под стола показывает ему кулак.

– Да, – сказала мать. – Бедолага. Мальчишки в этом возрасте такие... трепетные. Им так нужны мама с папой, а во все не интернат.

– Дорогая, – перебила бабушка. – Я уверена, что родителям виднее. Кроме того, Владимир совершенно прав относительно дисциплины. Она необходима.

Тата думала, что, если бы так получилось и ее муж вдруг сию минуту приехал домой, все моментально встало бы на свои места.

Все ее родственники слушались его, как солдаты своего полкового командира. Впрочем, его трудно не слушаться.

– Все понятно, – подытожила Лера. – Мы воспитываем своих детей неправильно. Мы не отправляем их в Воронеж к сестре нашего дорогого Владимира. Тата, я пойду разбирать постели, а ты убираешь со стола. Дорогие родственники, спокойной ночи, у нас еще куличи!

Однако уgomонить всех удалось только к полуночи.

Тата месила плотное, пахнущее сдобой и ванилью тесто, думала о муже, люстре и Ордынке, когда Лера, позевывая, спустилась сверху:

– Пойдем покурим?

– Подожди, я так не могу бросить. Иначе оно опадет!

Лера заглянула в ведро, над которым трудилась Тата. Готовить она никогда не умела и не любила, зато очень любила поесть.

– М-м, как пахнет! Как в детстве! Помнишь, в булочной продавали куличи и они назывались «Кекс весенний»? Из идеологических соображений?

Тата засмеялась:

– Помню.

– А помнишь, бабушка нам говорила, чтоб мы в школе ни в коем случае не рассказывали, что у нас дома пекут куличи? Мы же были пионерками!

– И комсомолками! – подхватила Тата.

Тесто, пухлое, самодовольное, словно улыбалось ей, и Тата улыбалась в ответ.

– Что, вы на самом деле разводитесь?

– Лерка!

– Ну что?

– Никто не разводится. Пока.

– Что значит – пока?

Тата перестала месить тесто, которое сразу перестало улы-

баться.

– Я не знаю, – сказала Тата задумчиво. – Что-то случилось, наверное. Мы никак не можем поговорить, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Может, он влюбился?

Тата неохотно пожала плечами:

– Мне кажется, если б он влюбился, я бы знала.

– Тогда, может, ты влюбилась?

Чтобы не смотреть на Леру, Тата посмотрела на тесто, которое теперь хмурилось.

Пасхальное тесто не должно хмуриться. Оно должно только улыбаться! Весь смысл куличей в том, что их нужно готовить... с любовью.

Никакого другого смысла нет.

– Я не знаю, – сказала Тата задумчиво. – Правда, пойдем на крыльцо.

– А твое драгоценное тесто?

– В присутствии куличей, – объявила Тата, – нельзя говорить на скользкие темы!

Лерка фыркнула:

– А что, у нас уже скользкие темы? Или ты, как дядя Володя, считаешь скользкой любую тему, отличную от шахмат?

На веранде было сумрачно и сыро, свет из окна прямоугольниками ложился на широкие доски и на оседающие потемневшие сугробы. Неожиданно потеплело, и влажный ветер казался совсем весенним.

Лера плюхнулась в качалку и вытянула ноги.

– Господи, как хорошо-то! Твой муж – великий человек!

– Почему? – рассеянно спросила Тата.

– Потому что с его деньгами он мог бы тут отгрохать виллу с колоннами и портиками! А он оставил дом столетней давности, только улучшил немного.

Тата вдруг рассердилась:

– Разве он мог вместо этого дома забаббахать колонны и портики?! Кем бы он был после этого?

– Татка, что с тобой?

– Я не знаю.

– Ты влюбилась?

Сосны вздыхали, и тяжелые капли падали на крышу со смачным весенним звуком.

– Вроде бы нет. Но я так устала! Лера, я тут неожиданно обнаружила, что я замужем почти двадцать лет. Двадцать!

– Ну и что?

– Ты знаешь моего мужа, – с ожесточением сказала Тата. – Он работает день и ночь. Ему совершенно наплевать на то, что со мной происходит. Он меня не видит и не слышит, иногда месяцами!..

– С чего ты взяла, что ему наплевать? С того, что он не подает тебе кофе в постель? Или не гуляет с тобой вокруг Патриарших прудов? Так он никогда не гулял, насколько я знаю! Он даже когда за тобой ухаживал, не гулял и не подавал! И двадцать лет спустя тебя это взволновало?!

– Да нет, – чувствуя себя очень глупо, перебила Тата. – Просто мне хочется чего-то... радостного, необыкновенного, понимаешь? Ну, например, чтобы он взял и приехал вот... завтра! Или подарил мне что-нибудь необычайное! Например, вологодские валенки. Он недавно был в Вологде. Знаешь, какой это потрясающий подарок – вологодские валенки? Я просила его привезти, а он забыл.

– И подарил тебе на Восьмое марта, – подхватила Лера, – очередной бриллиант!

Тата кивнула.

– Ужасное горе, – подытожила Лера. – И кофе в постель ни разу не подал, и валенки не купил. Скотина.

– Ты что? Смеешься?

– Татка, – убежденно сказала Лера, – как бы это тебе объяснить... Есть мужчины, совершенно непригодные для оказания галантных услуг дамам. Ну, то есть непригодные решительно! Твой муж как раз такой. Он никогда не станет усыпать твою постель лепестками белых роз и гулять с тобой под дождем не станет тоже! Он работает день и ночь, такую семью содержит! Может, мама с бабушкой позволяют себе не помнить, а я-то точно знаю, на чьи денежки наша бабушка лежит в лучших клиниках, а наша мама посещает музеи Венеции! И кто дал денег на машину Шуре с Володей. И кто Сережу моего на работу устраивал! Твой муж не может одновременно петь, декламировать тебе из Петрарки и заниматься всеми этими делами!

Они помолчали.

Ветер шумел в верхушках темных деревьев, и Тата, замуравшись изо всех сил, представляла себе, что вот сейчас откроются ворота, и на участок вползет машина, и он выйдет, немного усталый, небритый, так хорошо и знакомо пахнущий, сядет в качалку и скажет: «Не мог же я в самом деле не приехать на Пасху!»

Что-то стукнуло, проскрипело, и Тата открыла глаза.

– Что это?

– Где?

– Какой-то шум.

Лера прислушалась.

– У тебя галлюцинации.

– Нет у меня галлюцинаций! Там кто-то ходит!

Лера выбралась из качалки, подошла к перилам веранды и приставила руку козырьком ко лбу, на манер капитана на мостике океанского лайнера.

– Никого нет! – объявила она, повернулась, подтянулась на руках и уселась на перила. – И все-таки скажи мне, зачем ты с ним поссорила? Ведь такого быть не может, чтобы он с тобой поссорился!

Тата пожала плечами. Хорошо, что темно, и только прямоугольники желтого домашнего света лежат на сугробах.

Хорошо, что темно, иначе Лерка бы точно увидела, что она покраснела.

– Я сегодня... на свидание ходила.

– С кем?!

– Так, ни с кем.

– Одна, то есть, ходила?

– Лера! Он из нашего офиса, очень симпатичный. Он пригласил меня в какой-то антикварный магазин, и мы там рассматривали люстру.

Лера помолчала, а потом сказала:

– Прекрасно.

Голос у нее был расстроенный.

Семья сестры казалась ей незыблемой и надежной, самой настоящей, словно сделанной из чего-то очень прочного, ну, хоть из гранита.

И как бы скучно это ни звучало, в этом был смысл и главная сила – они есть, они вместе, они никогда не расстанутся, потому что это невозможно.

И точка.

А тут такие перемены!.. Да еще какие-то люстры и кавалеры из офиса!

Они вернулись в дом, и Тата опять принялась за куличичи, а Лера, ничем ей не помогая, все смотрела и смотрела в окно.

Утром и произошло событие, взбудоражившее весь дом.

Из бабушкиной спальни пропал бриллиантовый прабабушкин крест.

Бабушка совершенно точно помнила, что вечером он был с ней – она никогда его не носила ввиду его исключительной тяжести, но никогда и не расставалась. Крест висел на

нефритовых четках, которые бабушка почти не выпускала из рук, и все помнили, что за столом четки и крест лежали рядом с бабушкиной тарелкой.

Перерыли все, даже ковры снимали – крест как в воду канул!

Все было забыто – Пасха, куличи, которые, накрытые кружевными салфеточками, бодро и торжественно сияли на буфете. Дети ползали под столами, двигали диваны, залезали под кресла. Им нравилось ползать и залезать, они думали, что это игра такая, а тучи все сгущались и сгущались, и Тата чувствовала, что гром вот-вот грянет.

Он и грянул.

Бабушка объявила, что крест у нее стащили как раз дети! – и нужен обыск.

Этого никто не ожидал.

Тёма со злыми слезами на глазах заорал, что, если его в этом доме считают вором, он немедленно поступит в Суворовское училище, и ноги его здесь не будет, и вообще, где папа?!

Даниил меланхолично пожал плечами и сказал, что его могут обыскивать сколько угодно – он не берет чужих вещей.

Девчонки, перепугавшись за Тёму, на всякий случай заревели тоже, а Тюпа спросил, что такое обыск.

Он ел морковку и смотрел телевизор, включенный на спортивном канале.

У матери был перепуганный и несчастный вид. Лера грыз-

ла ногти, а Шура держалась за виски – пребывала в ужасе.

– Бабушка, – сказала Тата твердо. – Мы не станем обыскивать детей. Наверное, мы просто плохо искали. Просто нужно поискать еще.

– Это очень дурной знак, – бабушка раздула ноздри. Голова у нее тряслась, она даже свои пахитоски не курила. – Особенно накануне Пасхи! Куда мог пропасть крест, да еще такой огромный, да еще с бриллиантами?! Если его стащили, ноги моей не будет в этом доме!

Тату вдруг осенила мысль, куда именно крест мог пропасть.

– Бабушка, а ты снотворное на ночь принимала?

– Ну конечно! А что такое?

– Ничего, – задумчиво сказала Тата. – Ничего. Лера, дай детям супу. Я... сейчас.

Она поднялась на второй этаж, обошла галерею, на которую выходили двери всех спален, и заглянула по очереди в каждую.

Потом спустилась вниз – дети сидели за столом, Лера громко и деловито командовала напряженным, звенящим голосом. Тата не пошла через столовую, а кругом, к той двери, которая выходила не на веранду, а в сад.

Этой дверью пользовались в основном летом, и еще ее муж любил выйти покурить именно на эту сторону дома. Но мужа не было, а возле двери стояли ботинки.

Одни-единственные ботинки.

Все было ясно.

– Мне нужно на чердак за пасхальной скатертью, – сказала Тата отрывисто, вернувшись в столовую. – Что бы там ни было, а Пасха на носу! Даня, пойдём, ты поможешь мне дверь открыть.

Меланхоличный Даниил покорно потащился за ней – дисциплина и послушание самое главное, – и совершенно несчастный Тёма проводил их глазами.

На чердаке было холодно и пахло сухими цветами и пылью. Огромный, темного дерева буфет, в котором Тата держала вещи «дальнего пользования» – елочные игрушки, пасхальные и новогодние скатерти, надувного тигра, с которым Тюпа летом любил плавать в бассейне, – стоял в самом дальнем углу.

Тата пошла к буфету, а Даниил остался на пороге.

Его меланхоличность как рукой сняло, он озирался даже, пожалуй, с интересом.

– Как тут у вас... красиво, – сказал он, когда Тата вытаскивала скатерть.

– Здесь много старых интересных вещей, – согласилась Тата. – Зачем ты взял крест, Даня? Ты же понимал, что бабушка его хватится! Причем очень быстро! Зачем?

Даниил попятился, стал отступать к двери и, пожалуй, сбежал бы, если бы Тата проворно не схватила его за руку.

– Тише, – сказала она и приложила палец к губам, – тише, тише!..

– Я не брал! – Рука у него была совершенно мокрой. – Я ничего не брал, правда!

– Даня, – Тата посмотрела в его перепуганные глаза. – Я знаю.

– Ты не можешь знать! Ты ничего не видела!

– Я не видела, но знаю. Вчера ты выходил на площадку, чтобы взять книжку, да? У нас на втором этаже книжные полки. Ты выходил и слышал, как твой отец говорит про Воронеж.

– Ты меня не видела!

– Не видела, – согласилась Тата. – Но я заходила к тебе в комнату. У тебя на подушке лежит детектив. А детективы у нас стоят только на галерее, куда выходят двери из спален.

– Ну и что? Подумаешь, детектив!

– Даня. Послушай меня. Ты взял книжку, слышал, что говорят взрослые, и решил сбежать, да? Для этого ты решил раздобыть денег. Ты дождался, пока все лягут, зашел к бабушке в комнату и взял у нее с ночного столика крест. Только ты не стал его прятать в доме. Ты знал, что в столовой мы с Лерой, ты нас слышал. Ты подождал, пока мы уйдем курить, спустился и вышел с другой стороны дома, где дверь в сад. Я слышала, как она открывалась.

– Я не брал!

– Возле той двери стоят твои ботинки. Они совершенно мокрые. Ты лазал в них по снегу и позабыл перетащить их к другой двери. Так?

Он тяжело дышал, и глаза у него были полуприкрыты, как у больной птицы.

– Я не поеду в интернат в Воронеж. – Он тяжело сглотнул. – Ни за что, никогда! Пусть он делает со мной все, что хочет! Пусть до смерти забьет, только я не поеду!

– Куда ты дел крест?

– Спрятал.

– Где?

Он посопел еще немного, а потом сказал с отчаянием:

– На яблоне! Там такая развилка и вроде дупло! Ты теперь меня выдашь, да?

Тата подумала немного.

– Нам надо спускаться, – сказала она. – Мы и так торчим тут слишком долго. И еще надо сообразить, как его вернуть, этот крест, чтоб никто не догадался!

– Ты меня не выдашь?!

– Приедет мой муж, и он точно придумает, как тебе помочь. Я обещаю, Даня. Ни в какой интернат в Воронеже ты не поедешь!

Он смотрел на Тату, не отрывая глаз.

– А... что можно придумать?

– Я не знаю. Но он всегда что-нибудь придумывает! Ты сейчас тихонько выйдешь из дому, заберешь крест из дупла и оставишь в кармане своей куртки. Я его оттуда возьму.

– Бабушка сказала, что она будет всех обыскивать!

– Не будет, – уверенно заявила Тата. – Мы успеем раньше.

Как заговорщики, они спустились вниз, где продолжались поиски и разбирательства, и Даня тихонько выскользнул в садовую дверь. Тата проводила его глазами.

Когда он вернулся и незаметно кивнул ей, она подмигнула Лере, которая вопросительно подняла брови, забрала Лялю и ушла с ней в мужнин кабинет.

А потом получилось вот как.

Потом из кабинета выскочила счастливая обласканная Ляля. На могучей шее, перевязанной розовой пасхальной ленточкой, у нее болтался бабушкин крест, вспыхивая четьрьмя огромными бриллиантами.

Она подбежала к бабушке, взгромоздила на ее стул передние лапы – бабушка отшатнулась – и нежно лизнула ее в лицо.

– Батюшки-светы, крест! Крест нашелся!

И в эту же секунду со второго этажа скатился Тёма.

Он несся по лестнице и орал во все горло:

– Папа приехал!

– Как я рада, что ты приехал, Макс.

– Как я мог не приехать к тебе на Пасху?!

– Ты не отвечал на мои звонки.

В темноте он повернулся и серьезно посмотрел на нее.

– На самом деле ты не хотела меня слышать. Ты звонила просто так, потому что полагается звонить мужу, когда он в командировке. Я так не могу.

– Я так тоже не могу. – Тата ногтем чертила на его груди узоры, и там, где она чертила, шерстка вставала дыбом.

Ей это очень нравилось.

– Я думала, что ты меня разлюбил.

– Я дал тебе время отдохнуть от себя.

– Ты меня чуть было не упустил.

Он поморщился. Она не видела его лица, но точно знала, что он поморщился.

– Я не могу тебя упустить. Все это глупости, Тата. Я точно знаю, что есть единственная женщина, созданная для меня. И я для тебя единственный мужчина.

Она засмеялась и укусила его за живот.

– Да-а, единственный мужчина! А я, между прочим, на свидание ходила! Романтическое.

Он вдруг напрягся.

– Ты хочешь, чтобы я тебя ревновал?

– Ага.

– Ну тогда рассказывай.

– Если я тебе расскажу, – и Тата опять его укусила, просто так, от счастья, – ты перестанешь меня ревновать.

И тут же все рассказала – про Ордынку, про весну, про люстру. И про мимозы на Восьмое марта, и про приглашение на кофе.

– Да, – выслушав, сказал ее муж. – Плохо мое дело.

– Плохо, – согласилась Тата. Полежала молча и добавила жалобно: – Я так тебя люблю, Макс. Это просто ужас.

– И я тебя люблю так, что просто ужас.

– Ты не уезжай больше так далеко и так надолго.

– Не буду, – пообещал он, и они неожиданно много раз быстро поцеловались. – Не буду.

– Тебе нужно еще придумать, что делать с Данькой. Он такой несчастный, бедолага! Представляешь, крест украл, решил сбежать!

– Да чего там думать, – сказал Макс. Ему не хотелось разговаривать о несчастном Даньке, ему хотелось заниматься с ней любовью в пасхальную волшебную ночь, когда все наконец-то стало хорошо. – Я его пристрою в частную школу здесь, в Москве. Мы будем его забирать на выходные и приезжать на неделе.

– А так можно?

– Можно как угодно, – сказал ее муж. – Было бы желание.

В понедельник Тата допоздна просидела на работе, демонстрируя Павлу Петровичу служебное рвение. Макс сказал, что тоже придет поздно, и поэтому она не спешила.

Сочинение по рассказу Чехова «Студент» так и осталось ненаписанным, и Тёме вкатили двойку. Тюпа после субботнего шоколада весь покрылся красными пятнами, ныл, скулил и чесался. Бабушка по телефону устроила ей головной убор на предмет собак, крадущих золото и бриллианты.

Таких собак, по мнению бабушки, нужно отправлять на живодерню.

И муж приедет только к ночи!

Чем не жизнь?..

Тем не менее, когда она подъехала к дому, оказалось, что его машина уже стоит, и обрадованная Тата побежала к дому.

Странно, но Ляля не выскочила на веранду, чтобы выразить обычное ликование по поводу ее приезда.

Когда Тата тихонько вошла в дом, оказалось, что все они, Максим, Тёма, Тюпа и Ляля, почему-то стоят посередине гостиной и смотрят куда-то вверх.

Тата подошла и тоже стала смотреть.

Они смотрели на люстру, которая низвергалась с высоты второго этажа, лилась, как хрустальный водопад, и огоньки дрожали внутри нее и брызгали на стены волшебным светом.

А может, и не брызгали, просто у Таты глаза отчего-то налились слезами.

Она взяла мужа за руку, и он оглянулся.

– Макс, – тихонько спросила Тата, – где ты ее взял?!

– Купил.

– Она же уже была продана!

Он пожал плечами.

– Не бывает ничего невозможного, – сказал он. – Особенно на пасхальной неделе!..

И весь мир в придачу

Она любила его, а он, ясное дело, любил родину.

Такое бывает, и даже довольно часто.

Кроме родины, Глеб любил еще свою карьеру – истово и с огоньком занимался ею, оглаживал и похлопывал со всех сторон, как норовистую лошадь. Карьера гарцевала, помаживала гривой, хорошо кушала, нагуливала бока, отливала гляncем и росла не по дням, а по часам, грех жаловаться.

Еще он любил музыку – джаз, разумеется, – и маму, которая издалека руководила своим мальчиком во всех вопросах, включая любовь, карьеру и джаз.

А Груня любила его с самого первого курса – скоро десятилетний юбилей грянет.

Полная бесперспективность подобного рода любви очевидна всем – но всегда почему-то становится очевидной годам к сорока. Ну, уж точно после тридцати.

Груне до тридцати ждать было еще два года – вон сколько. Поэтому она его любила, а он продолжал любить родину – гарцевать на карьере, выпасать ее на тучных пастбищах и слушать джаз и маму.

Еще был Ванечка, его она тоже очень любила.

Ванечка похож на Макса, а с Максом они развелись очень быстро – как только поженились, так сразу и развелись.

Почти. Почти так.

Ужасное имя – Максим. Отвратительное. И как это свекровь угораздило назвать сына таким кошачьим именем! Впрочем, свекрови имя нравилось. Она им гордилась, всегда выговаривала старательно – Мак-сим, и никаких сокращений от этого имени не допускала. Зато Грунино ей не нравилось несколько. Груне и самой не нравилось, да что же делать, когда родители, филологи, русофилы и знатоки классической и всех прочих литератур, считали, что у девочки должно быть хорошее русское имя!

– Тебе, Агриппина, тоже не следовало бы...

– Чего не следовало бы, Марья Петровна?

– Да вот этой самой Груней именоваться! Это не имя, это какой-то... мичуринский сорт вроде бы!

– Какой... мичуринский сорт?

– Такой! Груня! Что такое за Груня?! Ты же не дерево!..

Груня была вполне согласна, что она не дерево, но ничего изменить было нельзя, да еще мама все время путалась, называла ее Грушенькой Мармеладовой, хотя та была вовсе никакая не Грушенька, а Сонечка – вот вам и знаток русской классической литературы!

Хорошо хоть Ванечка получился Иван Максимович, а не Федор Михайлович или Фрол Федулыч, к примеру. Груня была искренне убеждена, что все ее несчастья происходят от ее позорного имени. Разве может что-то путное выйти у женщины с таким именем?!

Когда они познакомились с Глебом, он, кажется, даже не сразу поверил в то, что она – Груня. Дело было на первом курсе, в аудитории номер триста шесть. А может, триста восемнадцать. Глеб приходил лекцию читать – такая у него была общественная нагрузка. Он считался образцовым студентом, и у него была общественная нагрузка, тоже образцовая, потому что другим, менее образцовым, давали другие нагрузки – например, дежурить при входе в общежитие.

– Как?! – переспросил он, когда она назвалась. – Как тебя зовут?!

– Груня, – повторила обладательница хорошего русского имени убитым голосом, и Глеб покатился со смеху.

С тех пор он только и делал, что над ней смеялся – вот уже почти десять лет.

Смеялся и делал выговоры, когда она особенно надоедала ему со своей любовью, или мешала надлежащим образом холить и лелеять карьеру, или не давала как следует погрузиться в сладостно-наркотический кайф джазовых концертов, – а она только и делала, что мешала, не давала и надоедала!

И по имени он никогда ее не называл. То есть совсем никогда. То есть вообще.

Ни разу за все десять лет он не обратился к ней по имени. Обычных идиотских поименований, которыми вроде бы потчуют друг друга все нежно влюбленные голубки, он тоже не признавал, как раз потому, наверное, что не являлся нежно влюбленным голубком. Как-то очень ловко ему удавалось

объезжать ее имя по касательной, прямо как Герману Майеру ворота на трассе гигантского слалома.

Слалом и впрямь получился гигантский – десять лет, шутка ли!

Ужасно, что так все... не сложилось. Она была уверена – Глеб предназначен именно ей. Странно, что он этого не видит, это же так понятно!

Они были похожи друг на друга, так похожи, что иногда казалось – этого не может быть, слишком страшно. Они одинаково думали, потому что их растили по одним и тем же книжкам. Они одинаково не любили модные театральные постановки и млели от Островского. Даже Энтони Троллопа они любили оба, хотя Груня не встречала больше ни одного человека, который знал бы, что был такой хороший английский писатель. И чувство юмора у них было схожим, а что может быть важнее сходного чувства юмора!..

Но он никогда не любил ее, черт возьми!

Он спал с ней, когда уставал от одиночества, и еще потому, что был слишком разборчив и благороден, чтобы тащить к себе в постель случайных девиц. Груня всегда летела к нему по первому зову, радостно и истово надеясь, что вот на этот раз, вот сейчас-то уж точно он зовет ее навсегда, «на всю оставшуюся жизнь», что он наконец-то понял: без нее его «оставшаяся жизнь» скучна, и нелепа, и неизвестно зачем нужна. Они встречались иногда три раза подряд. Иногда пять. Совсем редко – семь. И он снова пропадал надолго, как

будто в космос улетал.

Она томилась. Надеялась. Кидалась к телефону. Мрачнела. Сердилась. Грубила. Получала родительскую взбучку. Переживала. Унижалась – в прямом смысле слова унижалась, сутулиться начинала и держать голову долу, как говаривал отец. Звонила, задавала два-три нелепых вопроса и прощалась. Он не перезванивал. Она снова звонила и разговаривала так, как никогда нельзя было с ним разговаривать, чтобы уж гарантированно поссориться и утешаться тем, что он не звонит ей не просто так, а потому, что они «поссорились».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.